

Глава 1

Что вы понимаете под словом война? Что вы представляете у себя в голове, когда слышите это слово?

Лично я вижу кровь, чувствую запах пота, запах сырой стали, слышу крики товарищей зовущих на помощь и крики умирающих врагов. Во всей этой какофонии звуков я лишь я один бреду безмолвной куклой. Со стеклянным взглядом я сею смерть и ужас на поле боя, потому что лишь я один способен на это, лишь от меня одного зависит, сколько моих товарищей я успею спасти, уничтожив тех, кто замер над ними с занесённым над головой мечом.

Родился я в самой обычной деревушке, в таком далёком и глубоком месте, что впору начинать разговаривать уже с животными. Нет, людей тут в достатке, просто нас тут настолько мало, что мы все уже друг другу просто надоели. Каждый день одни и те же лица, каждый день всё те же сплетни. И всё усугубляет то, что новостей нам взять неоткуда, потому что, как я уже сказал, мы живём в самой зад...

Моя жизнь складывалась не так уж плохо, как могло показаться в начале. Хотя, стоит лучше начать рассказ с моего отца – Барона Брасса Ри Бодье Морока. В молодые годы он поступил на службу к одному не безызвестному дворянчику в столицу. Это сейчас мой отец был бароном, а тогда он был лишь обычным мелким магом с медным перстнем на пальце. В общем, самый низ магов. Однако, тот дворянчик был весьма охотлив до чужого добра, а его статус позволял ему беспрепятственно грабить соседей. Ну, это была обычная месть за пролитую кровь ещё их дедами. Собственно, чем бы дворяне не тешились, лишь бы простой люд не грабили. Подле этого дворянина мой отец и служил, верой и правдой отработывая своё жалование. Со временем отец и сам начал обрастать своими подчинёнными, своей дружиной, которые прикрывали ему спину в бою. И когда моему отцу исполнилось сорок, он подал в отставку. Дворянин не остался в долгу, за что пожаловал отцу дворянский титул, хоть и не наследуемый, зато поместье и четыре деревни в округе достались отцу в безвозмездное пользование.

Собственно, здесь, в этом поместье, и близ него, поселился мой отец и весь его отряд. Несмотря на то, что находилось это поместье на самом краю границы, люди здесь могли постоять за себя, да и с прибывшим отрядом отца крепких рук державших меч тоже прибавилось. Всё бы ничего, но отцу пришлось приложить не мало усилий, чтобы окрестные деревни начали процветать. Тем не менее, отец так же не забывал и о наследнике, да и молодая жена требовала к себе должного внимания. В итоге, спустя долгие годы, отец стал счастливым обладателем девяти прекрасных дочерей. Радоваться такому или нет, тут решает каждый для себя сам. Но, наследника у него так и не появилось, от законной жены. Моя мать, будучи молодой шестнадцатилетней служанкой, которая только-только поступила на службу в усадьбу к Барону, неожиданно становится беременной. Собственно, эта «неожиданность» была лишь в голове Барона Брасса, пока его законная жена грозила утопить мою мать в болоте. Однако, на возмущения жены, уже не молодой Барон, лишь отмахнулся, чем вверх её в пучину отчаяния. Через девять месяцев родился я. Мне дали имя – Раки Морок. Раки – означает «чудо», а дать такое имя ребёнку – означает назвать ребёнка «чудным», от слова чудо. Второе имя – Морок, дал мне отец. Он лично присутствовал на родах, поэтому приказал моей матери дать родившемуся ребёнку два имени. Так моя мать и поступила.

Вот так и началась моя жизнь, жизнь Раки Морока. Отец дал мне имя своего «дома» лишь потому, что это было единственное, что он мог мне подарить. Я был бастардом, который очень усложнил жизнь всем. Отцу проедала плешь его законная жена, угрожая всеми возможными

карами. То она сначала грозила утопить мою беременную мать, а когда я родился, она грозило утопить этого порочного «щенка», то есть меня, но когда отец дал мне имя, тогда она начала грозить ему суицидом. Но, сделать ничего со мной Баронесса не смогла. Зато жизнь моей матери испортила. Когда мне было всего три года, нервы Баронессы окончательно расшатали её рассудок, после чего она взяла с кухни нож и пришла к моей матери. Она убила сначала мою мать, а потом и сама вскрыла себе глотку. Я узнал об этом от отца, который пришёл к нам с бабушкой домой и всё той рассказал. Я был ещё маленьким, но именно тогда, в тот момент, моё детство кончилось.

Смерть баронессы вызвала фурор в благородном обществе. А позже, когда языкастые слуги проводили заинтересованным о причинах, за звонкую монету, началась травля отца. Собственно, тут ничего удивительного. Я даже больше скажу, у каждого дворянина, который пытался всячески упрекнуть отца, было не по одному и не по два точно таких же бастарда, как я. Только вот их жёны об этом знали, но скандалы и истерики не устраивали, как баронесса. Ну и не вскрывали себе глотки после этого, само-собой. Поэтому, отца обвинили, что он довёл баронессу до такого состояния, после чего она и вскрылась. Тут про меня даже все забыли, потому что травля отца перешла на совершенно иной уровень. Откуда-то повылезали его старые враги, которые так же не преминули рассказать в светском обществе о былых грешках отца. Но, отец стойко выносил всё, до самого конца своих дней.

Меня всё это не очень сильно касалось, поначалу. Что с меня взять-то? Мне всего три года и я только-только научился связно выражать свои мысли в коротенькие предложения. Но, баронессу любили все местные жители. Она была доброй к сельчанам, отзывчивой, и всегда помогала жителям в деревне чем могла. Своих дочерей она учила тому же, поэтому и мои сводные сёстры точно так же имели почёт и уважение местных с самых ранних лет. И когда мне стукнуло пять, мне тоже стало скучно сидеть с моей бабушкой дома, которая была ещё и местной целительницей, и тогда я решил выйти на улицу. Вот тут-то я и узнал, почему предыдущие два года моя бабушка не выпускала меня наружу...

Люди могут быть поистине ужасными существами, и я это понял на своей пятилетней шкуре. В первый день меня никто не трогал, я даже поиграл в догонялки с некоторыми детьми. Но на второй день ушлые родители научили своих детей как со мной «нужно» поступать правильно. Ведь они считали, что из-за меня баронесса умерла, хотя я лично не участвовал в процессе, пока слетала её кукушка. И именно из-за меня теперь сам Барон ходит хмурнее тучи, всех провинившихся сразу порет плетью, стал нервным, дочерей перестал отпускать в деревни, чтобы те играли с местными детьми. В общем, я стал тем ещё козлом отпущения. Короче говоря, на второй день меня так отхреначили дети, что я еле-еле дополз до дома. Хорошо, что у меня бабушка целительница. Хоть магии в ней было с капельку, но вот с травками и мазями она была на ты. В общем, бабуля меня выходила за пару дней, но я ещё неделю не даже не помышлял об улице. Зато бабушку озадачивал очень неудобными вопросами, типа, за что они так со мной, и почему они так ко мне относятся. У моей бабушки разрывалось сердце, глядя на мои заплаканные глаза, но и рассказывать маленькому ребёнку о очень непростой жизни взрослых она тоже не хотела.

Вот теперь у меня начал именно та жизнь, благодаря которой я и стал тем, кем я являюсь. Я пойму это далеко позже, но мне, пятилетнему ребёнку, тоже хотелось жить, играть, бегать и прыгать с другими детьми играя в различные игры. Но, всё было совершенно по-другому. Стоило мне только показаться на глаза перед детьми, как меня тут же избивали. Дети особенно жестоки, если их родители ещё и поощряют эту жестокость. Так длилось где-то полгода, пока мой отец не узнал, что со мной вытворяют деревенские дети. Он бы и не узнал об этом, если бы его дворецкий не пришёл за заживляющей мазью для одной из дочерей барона, которая вдруг порезалась, пока училась готовить. Собственно, моя бабушка тут же и сказала,

что заживляющих мазей нет. На вопрос – почему, был дан такой же лаконичный ответ – потому что все мази уходят на внука, которого часто избивают местные дети.

Уже вечером барон был у нас дома. До сих пор его помню, как он впервые показался мне на глаза, и я увидел виновника всех моих бед, потому что я был его сыном, бастардом, из-за чего баронесса и устроила всю эту историю, от которой теперь выгребая я. Злиться на него не получалось. Я знал, что он был мой отцом, но видел я его, впервые, от чего в моей детской голове возникли совершенно противоречивые чувства. Я попросту не знал, как к нему относиться. Однако, я лично его совершенно не интересовал, по крайней мере, у меня сложилось такое впечатление. Он был очень высоким, статным, мускулистым, с волевым подбородком и словно бы высеченным из камня лицом. Пока он нависал над моей старенькой бабушкой, разговаривая с ней холодным тоном, он шевелил лишь одними губами, чем меня, почему-то пугал. Моя бабушка хоть и понимала кто стоит перед ней, но всё равно не боялась показать Барону, кого она винит в смерти дочери. Тот это прекрасно понимал, поэтому спускал ей это. Но сейчас он выяснял лишь причины, почему у местной целительницы нет мазей и лекарств, которые у неё всегда должны быть, для чего ей каждый месяц платят жалование. Разговор их вышел не гладким, но через несколько минут отец ушёл, захлопнув за собой дверь. Бабуля не сдерживалась, поэтому отвела душу за внука на его «папаше».

Дальше стало только хуже. Барон не придумал ничего умнее, как взять и выпороть плетью всех родителей, чьи дети издевались надо мной. Тогда весь день дружина отца хлестала народ по очереди, весь день стояли крики боли. Я был этому не рад, потому что я точно знал, что теперь дети меня либо вообще убьют, либо просто где-нибудь задушат по-тихому. А потом скажут, что сам помер, мол, так и было. После этой показательной порки меня трогать перестали, публично. Но, теперь дети действовали скрытно. Стоит мне отвернуться, как в меня тут же прилетал камень. И ладно бы если бы камешек был маленьким, так нет же, минимум с мой кулак. А когда я поворачивался, чтобы узнать кто его кинул, все делали такие лица, словно бы ничего сейчас и не произошло. Мне было всего пять лет, а я на себе уже познал такую отвратительную натуру людей. В чём был я виноват? Чем лично я заслужил к себе такое отношение? Я этого не понимал, но эти вопросы всегда терзали мою голову.

Хоть избивать меня и перестали, но вот пакостить начали основательно. То камнем кинут в спину, то помидором тухлым или яйцом. Лично я предпочитал камни, потому что от них оставались лишь синяки. А если помидором или яйцом, то моя бабушка будет опять плакать, пока будет стирать мою одежду. Правда, потом-то я сообразил, что одежду можно постирать до прихода домой, чтобы бабушка не узнала, что надо мной опять издевались. Вскоре я понял, что и по деревне, как и в её округе, мне желательно не гулять. Таким образом мои прогулки переместились в стоящий рядом лес, куда остальных детей на пушечный выстрел не подпускали. А не подпускали потому, что из этого леса иногда выскакивали хищники, которые задирали скот и увлакивали туши так же молниеносно, как и убивали их. Про детей уж и говорить не надо. Правда, случалось это очень редко. Раз в два года, поэтому я не особенно переживал, что меня кто-то сожрёт из хищников. Я теперь мог спокойно гулять и не ожидать удара в спину.

Из-за того, что я гулял по лесу, а детская ненависть не выплёскивалась на меня, дети придумали новый вид ухудшения моей жизни. Теперь они решили оскорблять меня. Ну, трогать же они меня не трогали, пока я не отворачивался, а значит и приказ Барона они не нарушали. В общем, мне пришлось учиться очень быстро бегать. Потом я начал учиться ещё и скрытно перемещаться, просто лишь потому, чтобы не попасться никому на глаза. Со временем у меня начало это неплохо получаться. А если по правде, то моего умения хватало лишь на то, чтобы ускользнуть от детей. Взрослые и так прекрасно видели где я прячусь и от кого. Однако, в наши детские «разборки» они предпочитал не вступать, чревато плетью.

Время шло, я рос. К семи годам я нарвался на Горную рысь, в лесу. Как она там оказалась, и за каким хреном спустилась с гор я не знал, но эти вопросы ни коим образом не помешали ей изорвать моё тело. Я просто гулял по лесу, как и обычно это делал, а потом надо мной мелькнула тень, а в следующее мгновение огромнейшая пушистая серая рысь начала разрывать мою плоть своими когтями. Рысь была действительно огромной, по плечо взрослому человеку, поэтому от её ударов я катался по земле как мячик. Сначала грудь, потом спина, рука, снова спина, рысь словно бы играла мной к кошки-мышки, а я орал так сильно, как только мог. Когда рысь вдоволь наигралась, она решила добить меня – стискивая зубы на моей шее, но её помешал наш местный охотник. Он умудрился убить эту огромную кошку лишь одним выстрелом, правда, я этого не видел.

Позже я узнаю, что этот охотник просто не знал, что это был именно я, а так бы он и спасать меня не полез. Он тогда возвращался с охоты, а потом увидел, как рысь рвёт ребёнка. Он подумал, что огромная кошка схватила кого из местных детей, поэтому и заступился. А потом он признал меня, когда убил рысь. Но, всё-таки решил отнести моё тело моей бабушке, потому что он думал, что я уже точно не жилец.

Я не умер. Моя бабушка снова выходила меня. Не без помощи магии, но всё же. Три месяца я лежал дома, даже не имея сил ни встать, не перевернуться на бок, или просто сходить в туалет. Всё тело болело и стреляло по ночам дикими схватками болей. А теперь добавьте сюда ещё и тот факт, что я ребёнок, которому крайне скучно сидеть на одном месте. Но, выбирать не приходилось. Всё моё тело было покрыто рубцами шрамов. Я учился заново держать ложку, учился одеваться, держать стакан, ходить. Если бы не бабушка, то я бы точно не пережил таких ран. Однако, рысь не тронула моё лицо. Всё тело было изувеченным, кроме лица. Зато шее повредила, и теперь я не могу говорить. Могу тянуть какую-нибудь гласную, выть, мычать мелодию, но если я начинаю пытаться говорить, то меня тут же забивает дикий кашель. Бабушка говорила, что её сил исцелить такую травму не хватит, поэтому мне придётся искать для себя целителя самому, когда подрасту. Я не расстраивался, потому что мне кроме бабушки и говорить-то было не с кем, а та понимала меня и без слов.

Пока я восстанавливался дома после встречи с рысью, к нам снова приходил мой отец. Охотник рассказал ему, что нашёл меня в лесу и я помер от ран. А я оказался жив, чему он обрадовался, а я впервые в жизни увидел на его каменном лице скупую улыбку, но искренне тёплый взгляд. Мне он тогда сказал лишь одно.

- Ещё раз уйдёшь в лес... высеку! – проговорил он таким голосом, что у меня аж мурашки по спине побежали.

Сразу после этого отец ушёл. А мне больше ничего не оставалось, как учиться читать и писать, потому что больше делать дома было нечего. Да и кроме бабушкиных книг и различных пучков и веников дома ничего и не было, с чем я мог хоть как-то себя занять. Поэтому мне и пришлось учиться читать. Книги казались мне непосильной задачей. Особенно, когда я видел, как бабушка, будучи уже подслеповатой, но быстро бегала глазами по строчкам букв. А я слова еле-еле читал. Да ещё надо было и в смысл слов вдумываться. Это оказалось сложно для меня. Правда, кроме как чтением, прикованным к кровати, заниматься было реально нечем. Именно поэтому я продолжал усердно стараться понять смысл тех слов, что я только что прочитал. За три месяца на кровати я всё-таки смог научиться бегло читать, чтобы потом не перечитывать, чтобы понять смысл. Поэтому бабушкины книги пошли в ход на всём скаку. Одна, вторая, третья, я проглатывал книгу за книгой, пока не прочитал их все.

Все бабушкины книги были о травах и зельях, разных мазях и как их готовить. Некоторые мази и лекарства готовились из растений, некоторые даже из камней и металлов, а в другие

добавляли и части некоторых животных. Бабушке нравилось, что я интересуюсь её книгами, хотя и понимала, что у меня просто выбора не было, иначе я просто спятил бы лежать на кровати. Но несмотря на это, она охотно отвечала на все мои вопросы. Где что растёт, как срывать растения, какие надо только выкапывать. С животными бабушка не ладила, в том смысле, что из них ингредиенты для зелий и лекарств она добывать не умела. Зато чуть ли не дословно знала у кого и что есть ценного. Я всё запоминал, как губка, однако я помнил наказ отца, что в лес мне, теперь, ходить нельзя.

Когда я уже почти выздоровел, к нам в дом ворвался отец. Он был одет в стальные доспехи, в руках меч, сам весь в крови, а следом за ним его люди внесли тело тяжело раненного мужчины. У него была глубокая рваная рана на животе, и он очень быстро терял кровь. Даже я, будучи маленьким ребёнком, просто не понимал, как они умудрились его дотащить из соседней деревни, и как он при этом ещё не умер от кровопотери. Отец рубленными фразами объяснил, что произошло моей бабушке. Оказалось, что наши соседи вдруг решили, что можно отнимать наш скот. Собственно, отец навалял захватчикам, причём очень быстро. Только вот его лучшего друга, Варинара, очень сильно задела. Отец просил мою бабушку спасти его. Она бы может и рада была бы помочь, но таких мазей просто не существовало, чтобы такие ужасные раны в половину живота заживлять.

- Я не смогу ему помочь. - поджимая губы грустно вздохнула бабушка. - Даже свитки заживления не помогут. - обмолвилась она.

- Так у тебя есть свиток! И ты молчала?! - взревел отец и тут же вскинул руку, намереваясь ударить бабушку по лицу. В этот момент он заметил мой взгляд, после чего цыкнул и опустил руку, так и не ударив сжавшуюся старушку. - Тащи сюда свиток!

- Сейчас. - просипела бабушка и поплелась к шкафу с книгами.

Там, среди полок, бабушка вытащила два свитка.

- Какого ранга свитки? - тут же спросил барон.

- Первого, господин. - снова сжалась бабушка.

- А получше нет ничего? - хмуро спросил он.

- Откуда у меня? - почти шёпотом начала она оправдываться на ходу, - Я на свитки потратилась только из-за внука. - вдруг всхлипнула она, - Думала не выживет он поначалу.

- Давай не тани, время уходит! - поторопил он бабушку.

Именно тогда я впервые увидел магию... Она пленила меня, а моя фантазия начала раскручивать в моей голове чудесные картины, как я повергаю различных чудищ магией, как исцеляю изувеченных, как все падают ниц к моим ногам.

Тем временем бабушка развернула один из свитков и развернула его. Через несколько секунд со свитка выплыл круг, внутри которого были изображены какие-то письмена белого цвета, как и сам круг. Когда он выплыл из свитка, бабушка тут же опустила руку прямо на круг, после чего, с обратной стороны круга от ладони бабушки, выплыл белый шарик, размером чуть меньше моего кулака. Бабушка на секунду замерла, после чего белый шарик упал в живот раненного мужчины. Сначала он никак не отреагировал, а потом начал что-то мычать.

- Держите его! - тут же приказала бабушка, после чего двое других мужчин, которые и внесли

Варинара, тут же схватили его за руки, прижимая к лавке.

- Господин, подсобите. – попросила бабушка.

- Что делать? – тут же спокойно отреагировал он.

- Сведите края раны, а я попробую их срастить. – проговорила она, разворачивая второй свиток.

Барон не побоялся испачкаться в крови, к тому же, это был его друг. Через минуту бабушка закончила, вытерла пот с лица, после чего отрыла было рот, но тут же рухнула на пол. Точнее, почти рухнула, потому что её успел поймать Барон.

- Уложите её на кровать. – попросил он двоих мужчин.

- Господин, – обратился один из мужчин, – у неё получилось. – обрадованно проговорил он.

- Вижу. – кивнул барон глянув на меня, после чего снова обратился к этому же мужчине. – Его тоже забирайте. Только аккуратно тащите! – тут же рыкнул он, – Не дай боги у него опять рана разойдётся! – пригрозил он им.

- А с бабкой что? – вышел из спальни второй мужик, который относил бабушку туда.

- Раки приглядит за ней. – кивнул он на меня. – Приглядишь? – спросил он меня чуть теплее.

Я, естественно, кивнул.

- С тобой Барон разговаривает! – тут же взвился мужик за его спиной, – А ну ответь как положено!

- Тише ты. – осадил его взмахом руки Барон, – Немой он, его рысь подрала, теперь говорить не может. – пояснил он.

- Господин, а это не... – договорить он не успел.

- Это... – многозначительно кивнул он.

- Понятно. – кивнул мужик, тут же прикусив язык.

Как только они все ушли, я тут же кинулся к бабушке, которая просто спала. Дышала она ровно, жара, или холодности тела не было, значит и переживать было не о чем. Видимо, магия – очень тяжёлая штука. Так я тогда подумал. А через пять минут в дом снова вломился отец, при этом сильно ругаясь на тех двух мужиков, что тащили Варинара. Как я понял по ругани отца, они всё-таки не уберегли раненого и его рана снова разошлась, правда не так сильно, как было в начале. Единственным вариантом сейчас было смазать бинты мазью и плотно перебинтовать его, так как я понял, что других тут людей, кто сможет использовать лечащий свиток, тут нет. Да и свитков я этих на полках раньше не видел никогда. Хотя, я просто был маленьким, поэтому не видел их снизу. Тем не менее, я сразу побежал к сундуку с мазями и бинтами, и пока отец костерил мужиков, которые укладывали Варинара снова на лавку, я уже успел всё подготовить.

- Что это? – хмуро уставился на меня отец, глядя на бинты в моих руках.

Я начал, как мог, показывать, что надо делать. Благо он меня понял.

- А в чём эти бинты? - тут же спросил он.

Я снова кинулся к сундуку и принёс ему горшочек с мазью.

- Мазь, значит... - протянул он, - А ты уверен, что эта та, что нам надо? - тут же спросил он.

Я кивнул, после чего показал ему жестами, что мне об этом рассказывала бабушка.

- Ясно. - кивнул он, - Так, снимайте с него доспехи. Поживее. - тут же требовательно проговорил отец.

Дальше они справились без меня. Варинара плотно перебинтовали, после чего оставили в покое на лавке. И перед тем как уйти, отец даже похвалил меня, добро потрепав по голове. Вот так они и оставили меня следить за двумя взрослыми без сознания. Правда, бабушка просто спала, а вот мужчине сейчас было реально худо, у него был жар. Что делать в таких случаях я тоже знал, поэтому быстро сходил за водой и сделал ему холодный компресс на лоб. Лекарства ему сейчас лучше было не давать, потому что они могут помешать мази заживлять рану. Поэтому пока что обойдётся компрессом. А там, когда бабуля проснётся, она уже сама сообразит, что сделать. Пока в доме воцарилась тишина, я решил притереть с пола кровь, которой Варинар тут всё залил. Снова пришлось идти за водой, но без неё никак.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/40026/859938>